

В. П. Петров

**ВОСПОМИНАНИЯ
О КАМНЕ И О ЛЮДЯХ,
СВЯЗАННЫХ С НАУКОЙ
О КАМНЕ**

В. П. Петров

**ВОСПОМИНАНИЯ
О КАМНЕ И О ЛЮДЯХ,
СВЯЗАННЫХ С НАУКОЙ
О КАМНЕ**

Москва
ГЕОС
2005

Оглавление

Глава I. Старый Тифлис.....	5
Школа.....	5
Техникум.....	8
А.А. Флоренский.....	11
В университете Грузии.....	14
Коллекция горнопромышленника Кондаурова и другие коллекции.....	15
О железистом полевом шпате.....	19
Дзирульские работы.....	24
Как из глины родилась Институт.....	30
Тбилисский сельскохозяйственный институт.....	35
Кавказские экспедиции АН СССР.....	38
Глава II. В Ленинграде.....	43
Начало ленинградской школы.....	43
Ленинградский политехнический институт.....	45
Немного об организации учения в ВУЗах до реформ 1930 г.....	52
Реформа ВУЗов 1930 г.....	55
В университете.....	59
Геологическая научная жизнь Ленинграда в конце 20-х годов.....	67
Научные кружки.....	69
О преподавателях научных советов.....	74
СОПС, КЕПС и комплексные экспедиции Академии наук СССР.....	76
Музеи в конце 20-х годов.....	80
О первых годах жизни в Ленинграде.....	89
Глава III. В Москве.....	94
Переезд в Москву.....	94
О лабораториях и вспомогательных сотрудниках Академии наук.....	97
Различные судьбы, увлечения.....	105
Техническая петрография.....	114
Борис Владимирович Залесский. Стройматериалы.....	118
Послесловие (В.В. Петрова).....	123

Глава I Старый Тифлис

Школа

Пожалуй, лучше всего начать мои воспоминания со знаменитого февраля 1921 года, когда к столице меньшевистской Грузии подошла с востока, со стороны Армении Красная Армия, и грузинские повстанцы.

Я уже тогда второй год учился в бывшей частной гимназии Д. Ф. Петрушевской. Вообще, я поступал в 1917 г. в Тифлисское реальное училище, но проучился там только один учебный год. Летом 1918 г. на Кавказе проходила реформа школ, проведена была национализация всех учебных заведений, изменена программа и в наиболее крупных учебных заведениях, в том числе и в реальном училище; преподавание было переведено на грузинский язык, а русские ученики (и некоторые другие), не владевшие в достаточном объеме грузинским языком, были переведены в другие школы.

Вот тогда я и попал в женскую частную гимназию Д. Ф. Петрушевской, которая впоследствии была сделана смешанной, а не женской и переведена на единую школьную программу.

Сама Д. Ф. Петрушевская была исключительно интересным человеком. Она была начитана, и ее рассказы всегда нас очень увлекали. Она была до революции весьма состоятельной и все свои средства вложила в свою гимназию.

Людмила Федоровна была “старой девой”. Сколько ей было лет – мне сказать крайне трудно, тогда она нам казалась “очень старой”, но как я сейчас вспоминаю, ей было лет сорок, сорок пять. Замуж она не вышла, но будучи, человеком весьма добрым и любвеобильным, притянула двух девочек, по возрасту года на два старше меня. Собственно говоря, именно для того, чтобы учить своих двоих питомиц, Д. Ф. и создала свою гимназию, отдав под нее свой большой тифлисский особняк и оставив себе в нем на верхнем этаже небольшую квартиру. Этот особняк, когда-то бывший на самой западной окраине города, почти рядом с загородным садом – Муштаидом, сейчас находится в центре города на проспекте Плеханова, почти на углу этого проспекта и магистралей, идущей от моста Челюскинцев вдоль снесенной когда-то очень

узкой улочки "Пассаж-крошечка", к вокзалу. Последний раз я был в Тбилиси в 1987 г., видел тогда, что на этом доме висит вывеска "Школа №...", но зайти туда я не решился.

Сама Л. Ф. преподавала математику, и преподавала прекрасно: у нее все было вполне понятно. Подбор других учителей был довольно хорошим, Л. Ф. хорошо знала весь "культурный мир" Тифлиса и смогла подобрать в свою гимназию очень хороших преподавателей. Она знала и помнила всех своих учеников. Много лет спустя, уже перед войной, в своих странах по Грузии мне приходилось встречать Л. Ф.: она продолжала преподавать, но жила жизнью своих воспитанниц и их семьями.

В марте 1921 г., когда ясно стало, что меньшевистское государство полностью разваливается, нам объявили, что занятий больше не будет, и мы, уже "взрослые" (третьеклассники по 13-15 лет) усиленно обсуждали, кто куда направляется. Некоторые, входившие в скаутские отряды, шли на фронт, другие, попавшие в Тифлис как эмигранты, бежавшие с севера от Красной Армии, спешили убежать дальше. Остающиеся провожали и тех и других.

Изменилась и вся жизнь города. Ярким примером такого изменения была история нашего соседа по улице. На его двери до революции висела бронзовая карточка, на которой значилось "Учитель второй гимназии Князь Палавандов", потом во время меньшевистской Грузии в 1918-1919 гг. на бронзе появилось изменение фамилии "Палавандашвили", а после советизации вместо бронзовой карточки была прибита картонка, где значилось "Учитель Народной школы Палавандов".

Как мы доучились весенний семестр 1921 г., я совершенно не помню; по существу занятий не было. В памяти у меня остались бесконечные поиски оружия и боеприпасов, которые я проводил вместе с соседями-мальчишками. И к лету мы обгадали относительно солидным складом боевого снаряжения, из водопроводных труб были сооружены пушки, заряжавшиеся с дула и палившие настоящей дробью в две противостоящие армии оловянных солдатиков. Чем бы это кончилось сказать трудно, но, к счастью, мы были пойманы родителями в момент боя, и "боеприпасы" были уничтожены без "вредных последствий".

Особенно памятен следующий 1922, учебный год. Мы пришли в совершенно обновленную школу, в классе было много новых учеников и новых учителей. Для моего дальнейшего изложения особое значение имеют двое: во-первых, мой одноклассник "Георгий", о котором я дальше буду неоднократно вспоминать. Он был сыном крупной артистки Армейского театра при полуправлении армии, распотлапавшейся в Тифлисе, очень милой женщины, но чрезвычайно занятой.

Практически у нее не было выходных, и Георгий был предоставлен самому себе. Впрочем, учился он хорошо и был одним из лучших учеников. Наша школа была перестроена в трудовую школу, получила 47-й номер. Были введены новые курсы: "садоводство и сельское хозяйство" и "трудное обучение". Учителем садоводства и естествознания был назначен Александр Александрович Флоренский, а учителем труда — Борис Владимирович Витовский.

Гражданская война к 1922 г. уже кончилась, шла большая демобилизация и Александр Александрович и Борис Владимирович пришли в Тифлис с Красной Армией и были здесь демобилизованы. Александр Александрович был из студентов Петербургского университета; с последнего курса он был взят еще в царскую армию. Он прошел через горнило турецкого фронта на Кавказе.

Уроки Александра Александровича были исключительно интересны и захватывали всех нас. Мы были старшими в школе, и после окончания четвертого класса (нынешнего восьмого) мы должны были переходить в техникум. Как старшие, мы были главной и очень активной рабочей силой на огороде, а под руководством Александра Александровича школьный огород буйно рос. Александр Александрович по совершенно несмысли для нас признакам видел все недостатки огромного поля, занятого нашим огородом и садом, и по его указанию мы проводили кое-где поливки, кое-где унавоживали, и овощи у нас росли лучше, чем у соседей — профессиональных огородников, работорговцев на рынок. Мы научились прививать плодовые растения, выгонять цветы и многое другое, но самое главное — все делали с большой охотой. Уроки Александра Александровича были изумительно интересны; на них мы познавали мир, и для них нам приходилось много читать по его заданию. На мое счастье, мой отец за предвоенное время и в первые годы войны выписывал из издательства много книг по естествознанию, и у нас скопилось довольно большая библиотека, которую я жадно начал читать. Нам, школьникам, казалось, что А. А. отдавал себя нам целиком.

В выходные дни и на праздники он забирал нескольких наших школьничков, уходил в горы близ Тифлиса или немного отъезжая от него по железной дороге. Я с А. А. ходил немного; большой вес который у меня был с самого раннего детства, делал меня плохим холодем, особенно в горах, но и то небольшое, что я смог походить с ним, оставило у меня совершенно замечательные воспоминания. А. А. буквально "знал все", он рассказывал обо всех растениях, показывал и разбирая жизнь пойманной насекомухи, с ходу по характеру ползания узнавал змею и ящерицу. Рассказывал об истории тех мест, по которым мы проходили и о встречаемых камнях. Георгий, о котором я упоминал выше, был одним из самых усердных "путешественников", сопровождавших А. А.

Думаю, что А.А. отдавал нам все, мы, к счастью, ошибались. Потом okazaлось, что именно в этот год А.А. поступил вольнослушателем в Университет, написал диплом и защитил его в Тифлисском университете. В следующем, 1922-1923, учебном году А.А. был уже ассистентом кафедры минералогии Тифлисского университета.

Техникум

Большинство мальчишек нашего класса в конце 1928 г. перешло в химический техникум – бывшее коммерческое училище, построенное незадолго до того, в самом начале века, тифлисскими купцами в центре города на тогдашней Бельгийской улице.

Самым интересным учителем этого училища, а теперь техникума, был учитель физики, назову его "С". С этой буквы начиналась его фамилия. К сожалению, никак не могу вспомнить ни ее, ни его имени, а спросить сейчас уже не у кого. Говорили тогда, что он начал свою научную карьеру в Петербургском университете и имел звание "кандидата физики". Ходил он всегда в каком-то леглом накинутом на плечи плаще и в неопределенного вида шапочке, школьники считали, что этот наряд присвоен его ученому званию. Так это было или не так – не знаю, но все относилось с большим уважением и к плащу и к шапочке. Говорили еще, что когда в начале века тифлисские купцы подбирали преподавательский состав коммерческого училища, то кандидатуру С. им рекомендовал ректор Петербургского университета. Но С. поставил им категорическое требование: "Перееду в Тифлис только в том случае, если Вы мне построите обсерваторию". Купцы согласились. И над зданием коммерческого училища возникла обсерватория с соответствующим ей куполом. У Цейса был закуплен большой телескоп и несколько маленюких, в том числе и переносные.

Как работал в обсерватории сам С. – не знаю, но нам, школьникам, он дал довольно много первоначальных знаний по астрономии. Именно в этой обсерватории я впервые увидел фазы Венеры и изображение Солнца на экране, а также движение солнечных пятен, и познакомился с кратерами Луны.

В числе "неформальных объединений", как сказали бы сейчас, был у нас "астрономический кружок". Народу в этом кружке было немного, но те, кто входил, работали довольно активно. Секретарем кружка был школьник, которого звали Виктором и который был на класс старше меня. Виктор уже довольно хорошо знал начала астрономии и специально изучал начала высшей математики, до которой мы, обычные школьники, никогда не доходили.

20-е годы в самом их начале были замечательным временем, тогда весь народ стремился к знаниям; наряду с кружками ликбеза, где рабочие и все другие граждане ликвидировали свою неграмотность, все стремились узнать хотя бы отчасти основы любой науки. Хотя С. преподавал физику и математику во многих школах, в те времена это позволяло жить только впротолодь – продуктов не было. Как и многие другие преподаватели и культурные люди, С. сотрудничал тогда с лекционной частью политпросвета, кажется, она тогда так называлась, и читал лекции по астрономии в самых различных коллективах. Лекции свои С. обставлял весьма хорошо. В инвентаре школьной обсерватории был "вольшебный фонарь" – предок современного проектора-диакопа. Однако в отличие от современного прибора, весомо 200-300 г, эта "дрында" весила килограмм 10-15 и представляла собой довольно крупный чемодан. Кроме этого на свои лекции С. брал и переносной телескоп. Мы, кружковцы, а я и мой сосед по парте – Армен Назарян, были непременными участниками этих лекций, и носили вместе с С. телескоп и фонарь. На самой лекции кружковцы разделились - часть шла на лекцию, слушала ее и показывала картинки с помощью фонаря, а другая часть оставалась на дворе, налаживала и охраняла телескоп. Конечно, наладив телескоп, мы общаривали с его помощью все небо и всю Луну; усиленно обсуждали и комментировали видимое, а потом проверяли у С., так ли мы поняли видимое на небе и Луне. Кое-когда мы и "похулиганивали", рассматривая не только небо, но и город. Особенно впечатление на меня произвел один случай. С. читал лекцию где-то в районе Головинского проспекта (ныне проспект Руставели). Наш телескоп стоял в саду рядом и ожидал выхода С. со слушателями, желающими посмотреть на Луну. Мы napravили телескоп на другую сторону Куры в район Куккийского кладбища, и именно было наше удивление, когда там, в одном из окон (а это расстояние 3-4 км), увидели семью, сидящую за столом и пьющую чай.

Виктор, наш кружковый секретарь, тоже промышлял лекциями, и временами в городе можно было видеть объявления, что в том или другом месте 13-летний астроном Виктор Амбарцумян прочтет лекцию "Теория относительности Эйнштейна" (напомню, это было в 1923-1924 годах). Правда, в этом объявлении был "малый грешок", ему тогда было лет 15, мальчиком он был очень маленюким, но с большой голубой. Я бы сказал, что он не сильно изменился за прошедшие шестидесять с лишним лет. Потом я с ним встречался в Ленинградском университете и в Политехническом, куда он приходил читать лекции по астрономии для студентов по линии Политпросвета. Сейчас с академиком, президентом АН Армении Виктором Амазаеновичем Амбарцумяном я давно не встречаюсь, но все наши последние встречи с ним были довольно приятными.